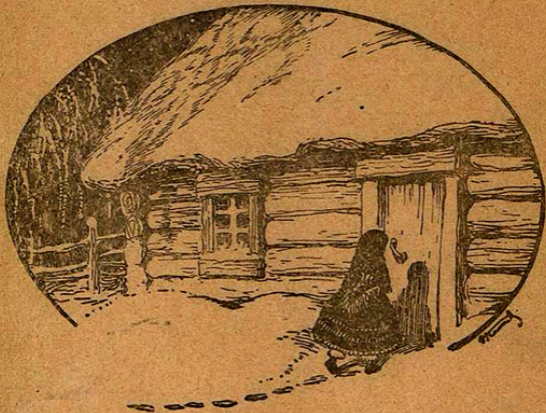

Бабушкин Карлик

ПОВЕСТЬ

А. А. Федорова-Давыдова

Светлячок, Москва, 1919

FB2: "Неизвестный автор ", 131332138614140000, version 1

UUID: {9E440AE9-9329-4646-9429-1841D78F3962}

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

**Александр Александрович Фёдоров-
Давыдов**

Бабушкин карлик

Содержание

#1	0006
I	0006
II	0008
III	0011
IV	0015
V	0017
VI	0021
VII	0025
VIII	0027
IX	0030
X	0034
XI	0037
XII	0040
XIII	0043
XIV	0048
XV	0050
XVI	0057
XVII	0059

А. А. Фёдоров-Давыдов
Бабушкин карлик

БАБУШКИНЪ КАРЛИКЪ

В день рождения Али бабушка, поздравляя ее, подвела к письменному столу и, указывая на большую куклу, в старомодном платье, с фарфоровой головкой и лайковыми ручка-

ми, сказала:

— Вот, Алечка, возьми себе эту куклу. Всю жизнь я ее берегла: она моя ровесница... Много хороших воспоминаний пробуждает она во мне, и когда-нибудь я тебе расскажу про нее и про себя...

Кукла была большая, очень красивая, и Аля вся раскраснелась от радости.

— В то время, — добавила бабушка, — большой редкостью были такие куклы. Мне ее из Парижа мой дедушка выписал... И слез она мне стоила, и радости. Всего было...

Аля непременно сейчас-же хотела узнать историю бабушкиной куклы. Но бабушка сказала, что теперь не время. Зато, несколько дней спустя, как-то вечером она сама выразила желание рассказать про куклу, — и вот что довелось Але услышать от старушки...

— Мне было тогда лет десять, и жили мы с маменькой почти постоянно в своем имении Криушах и зиму, и лето. Имение было небольшое, но прекрасно устроенное. Особенно хорош был старый дом, — такой уютный, поместительный, со многими комнатами, корридорами, ходами и переходами. Мы жили с матушкой и тетей, и все комнаты были заняты прислугой, дворовыми людьми, приживалками, дальними родственницами, — и в доме былолюдно, шумно и весело..

Меня маменька до обожания любила и баловала, — да и все в доме только о том и старались, как бы угодить мне. А больше всего — няня Агата, без которой я одного часу не могла пробыть...

Верстах в сорока от нас жил маменькин отец, мой дедушка, Иринарх Петрович Ростовцев, — богатый помещик, вельможа екатерининских времен. Мы к нему ездили довольно часто, но он у нас не бывал никогда, да и вообще он никуда не выезжал с тех пор, как переселился к себе в имение из Петербур-

Га...

Дедушкино имение и его огромный двор всегда казались мне земным раем, и я ужасно любила бывать у него в гостях. Ну, к тому же, и дедушка очень любил маменьку, а во мне просто души не чаял...

Бывало, приедем к нему, — он сейчас же меня к себе берет:

— Наташечка... Наташечка!.. Да как ты? Да что?..

Все, бывало, за каждым словом, за каждым выражением лица дедушки следят, — боялись его очень. А мне все дозволено, я знать ничего не хочу.

— Командирша моя пожаловала!.. — скажет бывало, дедушка, — ну, теперь мое дело сторона. Как Наташечке угодно, — так все пускай и будет...

Гостили мы у дедушки и неделю и две, — а то и месяц. Для нас были всегда готовы три комнаты, лучшие в доме, и для прислуги нашей — тоже особое помещение... Хоть и недалеко бывало ездить, — а выезжали мы как в долгое путешествие, с целым обозом...

Дом у дедушки был в роде нашего, но го-

раздо больше и обставлен роскошнее... Не помню уж, сколько комнат было, а что-то очень много: и боскетные, и бильярдные, и угловые, и по цвету обивки — голубая, зеленая, бордо... Мебель тяжелая, покойная; всюду люстры, канделябры, бра на стенах, горки с серебром, хрусталем и разными безделушками.

Я, бывало, часами простаивала у этих горок, рассматривая, что там было. Много раз все это я уже видела, а все-таки каждый раз меня тянуло еще и еще рассмотреть каждую вещь отдельно...

Дедушка хоть и в годах, но был такой видный и красивый, что приятно было на него смотреть, радушный, приветливый. Но когда, бывало, что не по нем выйдет, — так рассердится, что все и на глаза ему бояться попасться...

Мы уч него бывали по всем большим праздникам, — и тогда весь дом оживал. Кроме нас, много соседей с'езжалось, и они гостили тоже по несколько дней, — и каждый приезжал со своей прислугой, так что в доме бывало очень людно.

Но лучше и веселее всего бывало на святках... Я особенно хорошо помню тот год, когда случилась эта история с моей куклой. Вот слушай, как дело было.

Еще задолго до Рождества начались у нас толки о том, как мы поедем к дедушке, даже сборы начались, будто мы отправлялись куда-то далеко-далеко. Вечерами судили, рядили, кого брать с собой, какие вещи, укладывать; кто у дедушки в этом году будет на праздниках... Няня Агата по целым дням перебирала и считала наше белье и платья, чистила сундуки и готовилась к укладке.

Я уж за неделю сама не своя была. Выучила французские стихи — прочесть дедушке; выучилась танцевать с шалью и дожидаться не могла, когда мы, наконец, — выедем...

Приготовили для нас большой помещи-
тельный возок, — настоящий домик на поло-
зьях.

Нисколько раз, бывало мечтала остаться
жить в этом возке, — так в нем было уютно, и
так хорошо пахло кожей и старым сукном...

Ну, вот, накануне сочельника, — с утра, ко-
гда еще темно было, уложили наши мелкие
вещи в возок, — сундуки и прислугу отправи-
ли за день раньше, — стали готовиться к
от'езду, присели перед от'ездом, Богу помоли-
лись. Маменька говорит нашей кастелянше:

— Пожалуйста, Федосьевна, будь осторож-
нее с огнем... Да как бы разбойники не напа-
ли на вас.

Это уж она всегда говорила, куда бы ни вы-
езжала.

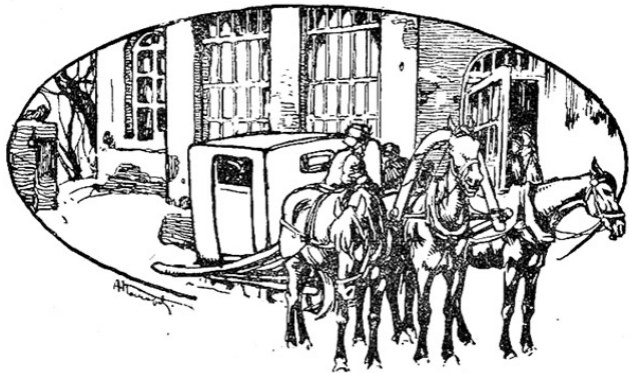
— Помилуйте, матушка-барыня!.. Храни
Господь!.. Вам бы благополучно добратся по-
шли Господь!..

Это за сорок-то верст!..

На крыльце маменька кучеру Аксентию
говорит:

— Пожалуйста, поосторожнее, Аксентий!..
Да как бы нас метель не застигла.

- О, помилуйте!.. Доедем, Господь даст!..
— Ну, с Богом!..
— Счастливо доехать!..

Завизжали полозья, заскрипели, — и пошел наш возок мерно колыхаться из стороны в сторону и нырять из ухаба в ухаб. А маменька все крестится, за ремни держится, — боится, что мы непременно упадем...

Я была счастлива безмерно. Едва себя сдерживала. То к маменьке прижмусь, то целовать ее начну, то к няне Агате на колени брошусь.

— Полно, Наташа, не бесись!.. Что ты за

непоседа такая!.. — сердится будто маменька.

А я просто сдержать себя не могу...

В окошечке тянутся далекие снеговые равнины, с синим леском на краю; стаи ворон и галок с карканьем проносятся мимо; вон избушки деревни промелькнули мимо..

И все-то мне нравится, все-то мне любо-дорого...

IV

Мы и пяти верст не от'ехали от дому, как началась метель. Маменька заволновалась, няня тоже. Оне беспрестанно выглядывали в окно и крестились.

— Господи! Доедем ли мы... — говорила маменька, — ну, как застрянем в поле.

Я дивилась на них и все шутила. Мне было так хорошо на душе и весело, что не верилось, чтобы с нами могло случиться что-либо дурное.

Снег повалил хлопьями; стало быстро темнеть, — а в возке мы едва различали друг друга. И все-таки я ни-чутьочки не боялась; я даже пристроилась поуютнее в возке на сиденье, свернулась клубочком и стала дремать.

Сквозь дремоту я слышала тревожные возгласы маменьки и няни, а сама мечтала о предстоящих удовольствиях и подарках. Незаметно я заснула, и во сне мне приснилось, что мы уже приехали к дедушке, и он нас встречает такой веселый, улыбающийся и держит в руках большую куклу, о которой я давно уже мечтала, и кукла эта тоже улыбает-

ся мне, протягивая руки, и говорит:

— Приехали, приехали! — С орехами, с орехами!

И тут же я чувствую, что меня кто-то осторожно расталкивает и говорит:

— Вставай, приехали!..

Я открыла глаза, кругом темно. Спросонок даже закричать хотелось от страха, но вижу в окно, огоньки мигают, и успокоилась... Дедушка за нами выслал верховых с фонарями. Они-то нам и помогли добраться до дому, а то бы мы долго еще плутали по полю...

Нас ждали с нетерпением; приготовили Нужин, и сам дедушка, всегда ложившийся спать рано, на этот раз изменил своему обычаю, и остался дожидаться нашего приезда... Я спросонья сперва куксилась, щурила глаза и ни на что не хотела обращать внимание.

— Ну, ну, как заважничала, командирша моя, — улыбался дедушка, глядя меня по голове. — Знать, меня не хочешь. Хоть бы о Саше справились, где он?

Саша — был мой кузен, круглый сирота, и жил у дедушки чуть не с первого дня рождения.

Я все еще куксилась, но при имени Саши встрепенулась.

— А где он?

— То-то, — где!.. Спит теперь, не все полуночники в роде тебя. Давеча говорит, — ждать их буду, а сам носом клюет... Я и услал его спать!.. А ты все хмуришься да отвертываешься, егоза. Да уж тебя не подменили ли, Наташенька, дорогой?.. А? — засмеялся дедушка, насильно притягивая меня к себе. — Вот разо-

спалась, соня этакая!.. Знал бы, не хлопотал бы о тебе... А я тебе сувенир приготовил...

У меня весь сон пропал; я прижалась к нему и спрашиваю:

— Какой?

Дедушка засмеялся.

— Вот, знаю я, чем ее расшевелить... Ну, теперь не скажу!.. Али сказать?.. Ну, изволь... Куклу я тебе из-за границы выписал!.. Да!.. Из самого Парижа города; ростом с тебя, и ходит сама, и говорит, и глазами поводит!..

Я взвизгнула и бросилась к нему на шею.

— Где она, дедушка, где?.. Дай мне ее!.. Дедушка, милый!..

А он только посмеивается.

— Погоди, внученка, дай срок, — все во благовременьи хорошо... Ужо праздник придет, елку устроим, гости сведутся, и тут ты свою куклу получишь...

Нечего было делать, кое-как пересилила я себе говорю:

— Благодарствую, дедушка!..

Я ужасно была рада, что опять очутилась в дедушкином доме, и в наших комнатах. Все тут было такое знакомое, милое, «добрень-

кое»: низкие кресла и диваны, пузатенькие комоды, стол, с вязанной скатертью, ковры с огромными гирляндами цветов и ягод...

Легла я в самом счастливом настроении духа. Лежа я наблюдала, как няня оправляла лампадки у икон, помогала маменьке раздеваться, разговаривая с ней. В комнате было тепло, уютно; за окнами гудела-надрывалась метель, и оттого еще уютнее и роднее казалась эта хорошо знакомая мне комната...

На другой день с утра я прежде всего обежала, все комнаты, осмотрела все горки, увидала свои любимые фигурки, побывала и в девичьей, где много девушек знала по именам, перецеловалась с ними, потом забежала к экономке Марье Ильинишне.

Маленькая, подвижная старушка, Марья Ильинишна, такая, ласковая, предупредительная и всегда спокойная, была на этот раз сильно встревожена.

— Попустил Господь, на беду, непогодь этакую, — сказала она мне. — Праздник на носу, — а из городу наши не возвращаются. Как успеть во время, — ума не приложу.

Все-таки она, по обыкновению, гостила ме-

ня и вареньем с лепешками, и моей любимой смоквой.

— Душечка, Марья. Ильинишна, — сказала я ей, — как у вас тут хорошо...

— Ой, ой! — прищурилась она лукаво, — ан, сказывают, как в гостях ни хорошо, а дома-то лучше...

— Нет, у вас лучше... Веселее!..

— У нас и то, хорошо, Наташенька!..

VI

Саша был старше меня одним годом. Полный такой, краснощекий, всегда веселый и очень добрый, Он мне обрадовался страшно, да и я ему тоже. Мы не виделись около месяца, а новостей у нас накопилось — видимо-невидимо. Я ему рассказала о нашем житье-бытье, он — об их жизни.

Мы с ним обегали весь двор, не смотря на метель, побывали на конюшне, пробрались к каменному медвежьему сараю, где сидели пойманные маленькие медвежата, и прислушивались к их урчанию. Потом пошли в сад, увязли в сугробе и вернулись домой, все вываленные в снегу.

— А где же у вас Великан Иваныч? — спросила я Сашу.

Великан Иваныч был дедушкин крепостной карлик, который сначала был у него на побегушках, а потом сделался чем-то в роде домоправителя. Ему было уже за сорок лет, но с виду он походил на старика. А ростом был он не больше пятилетнего ребенка.

— Великан Иваныч в немилость попал те-

перь, — сказал Саша, — Впрочем, они, кажется, уже помирились с дедушкой. Вчера его в город — за покупками послали. А раньше дедушка и видеть его не хотел.

— А что?

— Да, видишь ли, дедушка надумал на святках устроить медвежью потеху, хотел, чтобы Великан Иваныч боролся с медвежонком... Ну, Великан Иваныч и попробовал, было, да струхнул, и отказался. Дедушка сердился, грозил, — а Великан Иваныч уперся, — хоть бы что!.. Ну, дедушка и велел ему на глаза не показываться. Только третьяго дня и простил его...

К вечеру стали с'езжаться гости и располагаться по разным комнатам. В доме становилось все шумнее. По корридорам шныряли незнакомые девушки, хлопали дверями, перешептывались о чем-то.

В сочельник у дедушки всегда бывала всенощная, из году в год. За причтом посылалась тройка, и к его приезду делались приготовления.

Среди однообразия это являлось целым событием, В зале вся мебель придвигалась к

стенам, в углу под иконами ставили столик, покрытый скатертью, а на столе помещалась миска с водой для освящения, во время молебна, после всенощной.

Все мы принаряжались и садились в ожидании в каких-то особых неестественных позах, что как-будто способствовало особой торжественности.

Завизжат сани под окнами; — в передней поднимается суматоха, стук валенок, с которых обивают снег.

Входит священник, оправляя одной рукой волосы, а другой придерживая крест на груди.

Дедушка подходит под благословение; потом священник начинает облачаться; по комнате разносится одуряющий запах ладана.

В зал сперва нерешительно заглядывает челядь, но под напором задних рядов, — постепенно передние ряды заполняют зал, и в комнате заметно становится душно.

— Паки, паки, миром Господу помолимся, — басит дьякон.

И мы все начинаем рассеянно креститься, сначала усердно, а потом все реже и реже...

Кончается молебен, — мы подходим ко

кресту, и как я ни старалась каждый раз остеречься, всегда мне кропилка в руках дьякона попадает в самое лицо, и я вытираюсь платком.

После службы — батюшка и дьякон остаются пить чай, и тут начинаются разговоры о делах житейских, — об урожае, об умолоте, о разных слухах, бродящих по уезду.

В передней — няня угощает дьячка чаем и пирогом с рисом и вязигой. Дьячек Василии торопится, давится пирогом и пьет чашку за чашкой, — так что все красное лицо его лоснится от пота...

Наконец, священник с дьяконом прощаются и уезжают. Но у всех еще остается после службы какое-то умиротворенное настроение, — и я помню, — очень любила этот вечер. Ждешь чего-то особенно хорошего, — действительно, в воздухе как-будто чувствуется праздник.

В зале для гостей наскоро собирают ужин, и буфетчик Степан, пыхтя, тащит огромный ведерный самовар.

VII

За ужином собралось человек пятнадцать наших соседей-помещиков. Для нас, детей, накрыли отдельный стол, и мы себя чувствовали отлично. Приехали двое мальчиков, Петя и Боря Зорины, — Сашины гости, и мои гости — Соня Измайлова, Катя и Лида Бурлакины. У всех у нас было, много новостей, так что разговор не прекращался ни на минуту... Мне ужасно хотелось рассказать всем про свою куклу, и я не выдержала, наконец:

— А мне дедушка куклу из Парижа выписал, — сказала я, — большая, вроде меня. И ходит, и говорит, и руку подает.

— Счастливица!.. — сказала Соня Измайлова, моя соседка, — а ты ее видела?

— Нет еще, ее еще не привезли из города. Завтра на елке увидишь!..

— Верно, дорого стоит? — спросила ее сестра, Зина.

— Я думаю, тысячу рублей, — важно сказала я.

Тут мальчики, Петя и Боря Зорины фыркнули.

— Таких кукол не бывает!.. — сказали они.

За меня заступился Саша:

— Ан, бывает!.. — сказал он.

— Конечно, бывает, — поддержала меня Соня. Но Лида с Катей подсмеивались.

Я обиделась и надулась и говорить бы — с ними больше не стала, — да Петя завел разговор о гаданьях, о привидениях, — я и не устояла.

— Непременно надо погадать, — говорю, — это очень интересно.

— Страшно это, — говорит Зина.

— Страшно, а любопытно, — заметил Петя и начал рассказывать, как ему задалось видеть настоящее привидение. Только он испугался, закричал, затопал ногами, — привидение и исчезло.

— Так тебе померещилось!.. — говорим мы.

— Ну, вот еще, — обиделся Петя, — я и холод, от него чувствовал, и простыней оно меня коснулось, как мимо проходило!..

Мне стало жутко, и после этого я весь вечер боялась заглядывать в темные комнаты.

VIII

На другой день мы с утра начали праздновать по-своему.

Саша занимал нас на славу; на дворе была устроена огромная снежная гора, и мы катались с нее целыми часами. Потом убирали елку сладостями, яблоками и виноградом. В то время украшений почти никаких не было, да и елку устраивали редко у кого.

Но в этот день я замечала, что в доме творится что-то неладное. Дедушка с утра не выходил из своих комнат, Марья Ильинишна ходила какая-то потерянная. Спрашиваю Сашу, — он только рукой махнул:

— Да все этот ротозей, Великан Иванович, виноват. Чем-то дедушку расстроил!..

От няни Агати я только узнала, что у дедушки утром была сегодня целая баталия с карлой. Дедушка из себя выходил, кричал, топал ногами и велел ему убираться вон и на глаза не попадаться...

— Да что такое случилось, няня?..

— Кто их знает. Сказывают, потерял он что-то дорогой, как из городу возвращался, в

метель. Известно, стыдь на дворе, — ну, и смерз человек. Известно, не нарочно обро- нил...

К обеду дедушка вышел все по-прежнему добродушный и приветливый. А со мной был особенно ласков.

— Ну, что, весело тебе, голубчик? — спра- шивает.

— Ах, дедушка, еще бы!..

— Ну, ну, веселись... А ты, Саша, смотри в оба, не давай гостям скучать!..

Этим вечером мы с Сашей уж решили непременно итти гадать; собственно, — га- дать хотела я, — а Саша не мог мне отказать и согласился мне помочь выполнить мою за- тею...

Чем ближе подходило дело к сумеркам, тем все более меня охватывали страх и волне- ние... Я места себе нигде не находила...

— Да ты оставь, не ходи, — советовал мне Саша.

— Нет, я хочу непременно.

Вечером мы собрались в большой зале и стали гадать. Топили воск и выливали в воду, а потом смотрели, какие фигуры получаются

из воску на тени от свечи. Надрызгали на столе страшно, — но все еще нам было мало.

Саша притащил петуха и горсть овса. Петух только недоумевал, стоя посреди нас, а мы-то, на коленях вокруг него, тщетно угощали его зерном.

В это время, запыхавшись, прибежала сенная девушка Катя и крикнула:

— Идите, барчата, — поглядите-ка, — к нам славельщики идут, сейчас помереть, да и с вертепом, сказывают. А уж звезда-то у них — любень!..

Мы, конечно, бросились к окнам и припали к стеклам.

IX

На дворе чернела небольшая толпа. Но первое, что бросалось в глаза, — это сверкающая разными огнями большая звезда.

— Это дьяконов сынишка надумал, — мастер он на этикие штуки, — пояснила нам Катя. — Семка я на двор побегу...

За окнами слышался глухой гул голосов.

— Проси, чтобы их сюда впустили, мы вертеп посмотрим, — шепнул мне Саша.

— А ты сам что же?

— Нет, ты лучше.

— Ну, оба пойдем.

Дедушка, конечно, рад был нам угодить, позволил, и мы бросились с Сашей звать славельщиков.

Они вошли шумной гурьбой, — но сразу затихли, очутившись в передней и только было слышно, как кто-то кашлял, сморкался, вздыхал.

В комнате звезда была уж не так хороша. Была она большая, в аршин, и склеена из картона, с фигурными прорезами. Прорезы были заклеены разноцветной бумагой. Внутри бы-

да вставлена свечка. Вблизи все было грубо и аляповато. Но на дворе, издали — очень красиво.

Мне больше всего понравился вертеп. Это был оклеенный бумагой деревянный ящик; внутри были устроены два яруса. В верхнем ярусе деревянные фигурки изображали пляску Иродиады, а внизу Рождество Христово. Фигурки были довольно хорошо сделаны, — и мне очень хотелось бы купить себе этот вертеп, да совестно было сознаться в этом.

Славельщики откашлялись и запели хором:

«Христос рождается»...

Потом один из мальчиков, побойчее, скороговоркой пролепетал «рацею»:

*Я, маленький хлопчик,
Сел на столбчик,
Смотрю, поджидаю,
Добрых людей окликаю:
С праздником поздравляю,
Радости вам желаю.
Мир сему дому,
Пойдем к другому...*

Потом пошептались немного и запели «Славу».

*Слава Богу на небе, слава,
Государю хозяину на земле, слава...*

Но дедушка махнул рукой и сказал:

— Будет, будет, ребята!.. Спасибо!.. Натекать вам!..

И высыпал им пригоршню серебра. Славельщики были очень довольны и, уходя, все кланялись, — но уходили они шумливо, — так что Марья Ильинишна даже цыкнула на них:

— Тс... вы, пострелята. Обрадовались!..

— А мне это очень нравится — со звездой ходить, — сказала я, — и я бы сама с ними пошла... Весело!..

— Нет, мы лучше гадать будем! — шепнул мне Саша.

— Ах, и в самом деле!..

Часы бьют девять.

— Спать, спать пора, — сказал дедушка, заглядывая к нам в зал. — Всего насмотрелись, наслушались...

— Нет, дедушка, никак нельзя, теперь самое главное и начинается.

— А завтра весь день зато сонные ходить будете!..

— Что вы, дедушка!..

Саша отвел меня в сторону и сказал:

— Ну, если итти, — так пора!.. А то нас непременно погонят спать!..

У меня сердце сжалось от страха, — но я храбро сказала ему:

— Идем!..

Х

Незаметно проскользнули мы в переднюю, поделались наскоро и выбежали через черный ход на двор.

Ночь стояла такая ясная, чудная; почему-то хотелось сделать что-то хорошее, куда-то бежать, радоваться чему-то...

Все небо точно дрожит от искрящихся переливающимся светом звездочек; искрятся огоньки на белой полосе снега там и сям. Старые березы точно замерли от восторга, свесив через ограду сада длинные ветви-косы, опущенные инеем. А тихо-то, тихо-то как кругом... И чудится в'явь, что там, далеко-далеко, в глубоком небе легкой дымкой реет сонм ангелов, возвещающих славу всему миру и благоволение людям...

Снег под ногами звонко и резко хрустит...

— Ты не боишься? — шепчет мне Саша.

— Немножечко, — признаюсь я.

— Так вернемся назад, Наташа.

— Ну, что ты, зачем?..

Вот и маленькая баня, стоящая совсем на отлете от других построек...

— Ну, ты стой здесь, — шепотом сказала я Саше, — да только не уходи. Если страшно будет, — я тебе крикну, и ты беги ко мне!..

Все силы собрала я в себе и пошла к бане.

От мороза и волнения слезы застили мне глаза, и я безпрестанно отирала их рукой...

От няни я слышала, что надо стать под окном и вслушиваться. Если песню услышишь веселую, — значит, хорошее будет впереди; а то бывает, — плач услышишь, либо пенье похоронное, — ну, тогда беда...

— «Господи, — мысленно молилась я, — только бы веселое что-нибудь услышать. Только бы все у нас было хорошо, и все были здоровы и живы!..»

Я подобралась к бане, к самому окошку, прислонилась плечом к стене и напрягла все свое внимание.

Было тихо-тихо, так что я отчетливо слышала, Как колотилось мое сердце, — тук-тук, тук-тук...

Все тихо. Я стала смелеть, и мне сделалось весело. «Вот все вздор какой, — соображала я, — еще немного подожду, вернусь домой, и можно будет похвастаться, что я гадала!.. А то

и сочиню что-нибудь, скажу, что слышала что-нибудь ужасное!.. Вот-то Петя и Боря переполошатся!..»

Я уже собиралась уходить, совсем успокоенная, как вдруг...

Я не знаю, как я осталась тогда жива. Мне казалось, что я задохнусь, что у меня сердце разорвется от ужаса, когда я явственно услышала вдруг жуткий голос:

— Ва... ва... во... ой-ой-ой... Господи!..

«Бежать!..» — мелькнула у меня в голове мысль, но с ужасом я почувствовала, что ноги у меня как-то странно ослабели и дрожат, и я сдвинуться с места не могу...

Я обернулась к Саше и отчаянно замахала ему рукой, чувствуя, что голова у меня кружится, и я не понимаю, — где я, и что со мной делается!..

Я видела, что Саша заметил мои знаки и двинулся ко мне... И тогда я сразу овладела собой и бросилась к нему на встречу.

Вероятно, лицо и глаза были у меня ужасны, потому что Саша испуганно спросил меня:

— Что такое случилось, Наташа?..

— Там!.. Там!.. — могла я только произнести, задыхаясь от волнения и указывая рукой на баню. — Я слышала... Ох, Боже мой!..

— Да что такое?.. Ну, уйдем отсюда!..

— Нет, погоди... Понимаешь: стонет кто-то... Голос я слышала...

Сашу всего передернуло.

— Я говорил, — глупости все это, очень надо было итти!.. Идешь, что ли?.. — он повернулся уходить и вдруг остановился, пораженный чем-то...

— Знаешь, что... — сказал он, — теперь я понимаю... там... наш бедный Великан Иваныч.

Я вытаращила глаза на Сашу.

— Что? Великан Иваныч?

— Он!.. Теперь я понимаю, — растерянно сказал Саша. — А то я все допытывался о нем, а мне ничего не хотели говорить!.. Фу, как холодно!.. Пойдем домой, а то нас хватятся!..

Я схватила его за руку.

— Великан Иваныч?.. Там заперт?..

— Ну, да!..

— Да кто же посмел его запереть?.. — вне себя вскрикнула я. — В такой мороз и на ночь...

— Это... дедушка... велел... — смущенно, словно виноватый, сказал Саша. — Что же де-

лать?

— Надо отпереть... выпустить его!.. — крикнула я, радуясь, что мне теперь бояться нечего, и можно говорить, не озираясь.

— Конечно, — нерешительно сказал Саша, — а только как же дедушка?.. Ведь он рассердится...

Я не выдержала.

— Я и не знала, что он такой злой!.. — выпалила я. — Бедный Великан Иваныч!.. Знаешь, что, Саша?

— Ну?

— У кого может быть ключ от бани?

— Конечно, у Марьи Ильинишны. Дедушка ей только и доверяет!..

— Ну, так бежим скорее к ней живо... Да я уж улажу это дело!..

XII

На наше счастье, дедушка уже простился с гостями и ушел к себе. Зина, Катя, Петя и Боря чинно сидели вокруг стола, где на подносе насыпаны были орехи, изюм и пастила, и играли в лото. Маменька была у себя в комнате.

Мы с Сашей пробрались к ней и, путаясь в словах, перебивая друг друга, рассказали обо всем. Маменька взволновалась, но и смутилась. Она побаивалась отца, и не хотела ничем раздражать его.

— Не наше это дело, Наташа, — сказала она. — Только одне неприятности выйдут, если мы будем вмешиваться... Верно, заслужил этот несчастный, если его наказали... Дедушка только рассердится, если узнает про тебя!..

— Я ему сама скажу завтра!.. Да ведь он замерзнет там ночью. Разве можно?.. На улице страшный мороз. Я пойду попрошу Марью Ильинишну.

Маменька стала говорить мне что-то, но я, не слушая ее, убежала с Сашей.

Нам не долго пришлось уговаривать ста-

рушку. Мы прежде всего поручились ей, что всю вину и ответ перед дедушкой берем на себя. И Марья Ильинишна почему-то вдруг согласилась.

— Коли вы, Наташенька, на себя возьмете, — тогда другое дело. Из-за вас-то все горе и приключилось...

Меня точно ударило чем-то...

— Из-за меня?..

— Ох, уж... да! Попал Великан Иваныч в метель вечер, заплутались они с кучером, и не заметил, как обронил он ящик... А ящик-то для вас был... Подарок, значит, вам, куколка заграничная... Ну, дедушка, как узнал, так из себя и вышел... Великан-то Иваныч и в другом перед дедушкой провинился, а тут еще это. Ну, они и не выдержали, — приказали его в баню запереть до утра... Да только вы не беспокойтесь, — не смерзнет он: у него и шубейка есть укрыться...

Одно горе за другим поражали меня. Обида, досада и горечь овладели мной. Но отступить я уже не хотела.

— Ну, и хорошо!.. Дайте ключик, Марья Ильинишна, голубушка!.. Из-за меня его нака-

зали, — ну, я на себя все и беру...

— Ну, ну, извольте. Господи Боже мой, — сказала Марья Ильинишна и подала мне маленький ключик.

XIII

Великан Иваныч, — так в шутку прозвал Вкарлика дедушка, — был, как я говорила, дедушкин крепостной, но держал себя очень гордо и независимо. Даже черезчур гордо. Ему все казалось, что над ним все потешаются, и он старался быть особенно серьезным и не давать повода к насмешкам.

Раньше я его боялась и чуждалась. Он мне напоминал загадочных сказочных гномов. Но потом, когда я стала постарше, Великан Иваныч перестал мне казаться страшным и был мне только жалок, так что я всегда старалась обходиться с ним поласковее и сердечнее.

Он это скоро понял и привязался ко мне всей душой, старался угодить мне в мелочах, рассказывал нам с Сашей разные истории и страшные сказки, которые нам ужасно нравились.

Был он артист в душе и искусен на всякого рода изящные поделки. Нам, детям, он, бывало, вырезал хорошенькие фигурки, каких-то странных человечков из корешков и сосновой коры; искусно мастерил шкатулки с укра-

шениями из инкрустации; мастерски вырезал ложки, чашки, делал хорошие переплеты на книги.

Но главной страстью его было держать у себя всяких птиц и маленьких зверков, приручать их и выучивать разным штукам.

У него в комнатке всегда непременно бывало несколько жильцов: какая-нибудь хвора синица, подобранная на улице, снигирь с перебитым крылом, зайчик с подрезанной козой лапой, белка...

И они так, бывало, сживались с своим радужным хозяином, что не только не боялись его, а он их сам не мог оттогнуть от себя.

У него была мышка, которая свистала, по его указанию, и спокойно сидела на шее старого кота. Был у него заяц, умевший бить в барабан, и белочка, уморительно прыгавшая через руки и стоявшая на часах, с маленьким, нарочно для нее вырезанным из лучины ружьем. Но главным любимцем Великана Иваныча был старый скворец, который на свистывал «Коль славен» под маленький органчик.

Великан Иваныч переносил много непри-

ятностей за своих бессловесных жильцов. Над ним смеялись, его дразнили, на его животных-любимцев натравливали собак. А он волновался, выходил из себя, но, в конце-концов, смирялся и все силы употреблял на то, чтобы охранить «свою семью».

Дедушка сначала к нему очень привязался, но потом постепенно охладел.

Дело в том, что Великан Иваныч держал себя крайне независимо и всегда любил при случае подчеркнуть это. Как-то раз при одной вспышке гнева дедушка не сдержался и крикнул:

— Да как ты смеешь перечить мне холоп?.. Знать я не хочу, что ты там думаешь. Я за тебя ответчик перед Богом и законом, а ты — знай сверчок свой шесток.

Великан Иваныч спокойно посмотрел на него и сказал:

— Я точно, сударь, раб ваш, а душу тоже имею. И не ответчики вы за меня, — сам я за себя Богу отвечать буду. Что приказать изво-лите, — исполню; не исполню, — наказать меня вольны. А больше власти вам надо мной не дадено!..

С этой поры и началось охлаждение дедушки к Великану Иванычу.

Дедушка подозрительно смотрел на него, старался взыскивать с него больше, чем с других. Но так как сам был слишком мягок и добр и не мог долго выдерживать этой роли, то старался при случае поставить пело так, что бы непосредственное отношение к Великану Иванычу во всех случаях имел управляющий именем, Никеша, — типичный, угодливый слуга, не останавливавшийся ни перед чем, чтобы угодить своему господину, которого в душе сам же презирал и ненавидел.

И вот в таком положении было дело, когда случилась эта неприятная история с потерянным ящиком, которая только подлила масла в огонь. Дедушка в сердцах приказал Никеше распорядиться с карликом, как он найдет лучшим. И Никеша расстарался.

XIV

Мы с Сашей почти силой вывели Великана Иванныча из бани, перезябшего, всего синего. Он упирался и все говорил:

— Нет, уж вы оставьте. Великое огорчение я батюшке Иринаруху Петровичу доставил. Поделом вору и мука!..

Но мы его не слушали, привели в комнату Марьи Ильинишны и здесь напоили его чаем.

Я сознавала, что Великан Иванныч пострадал тач из-за хитроумной выдумки через меру усердного управляющего Никеши, что вряд ли бы дедушка решился определить такое наказание Великану Иваннычу там, — и все-таки очень волновалась в ожидании нашего об'яснения с дедушкой. Дело в том, что он вообще не любил, когда вмешивались в его распоряжения и его дела...

Я не показывала никому вида, что меня волнует, и держала себя независимо и уверенно и этим очень успокоила добрейшую Марью Ильинишну...

Но сама я все-таки плохо спала эту ночь и несколько раз просыпалась и досадовала, что

время тянется, как нарочно, медленно...

XV

На другой день утро началось довольно бурно. Как только встал дедушка, к нему явился Никеша и, конечно, нажаловался ему на всех нас. Вызвали Марью Ильинишну, и она возвратилась вся в слезах и на мои расспросы сначала ничего не хотела отвечать, только отмахивалась рукой. Наконец, не выдержала:

— Дослужилась, — с сердцем сказала она, — тридцать лет работала, хозяйское добро берегла пуще глазу. А теперь, накося, из-за пустяков сущих все ключи отобрать хотят!.. А все вы меня, Наташенька, с толку сбили... Оно конечно, жаль человека, — как не пожалеть. Ну, а тоже этак по-своему распоряжения отменять, конечно, дело не подходящее. Этак все распустятся, — что же толку будет?..

— Да вы сказали, Марья Ильинишна, что мы с Сашей это сделали?..

— Еще чего!.. Только этого не доставало, — вас еще под деденькин гнев подводить!.. — Сказала, что сама пожалела Великашу и выпустила его А они, Иринарх Петрович, на ме-

ня и накинулись. И поделом мне, старой ду-ре!..

Я обняла добрейшую старушку, крепко поцеловала ее и говорю:

— Я вас не выдам, милая Марья Ильинишна, и помирю с дедушкой, а он сложит гнев на милость...

Но Марья Ильинишна была безутешна и не очень-то верила в силу моего заступничества...

К дедушке с поздравлением мы с Сашей отправились после утреннего кофе, разодетые, расчесанные. Я так волновалась, что беспрестанно забывала начало выученного французского стихотворения, припоминала его и оттого волновалась еще больше.

Дедушка встретил нас ласково. А когда мы его поздравили, и я кое-как пробормотала стихотворение, он совсем разошелся, потрепал меня по щеке, обнял и поцеловал в лоб.

— Merci, Natalie, — сказал он, — а я перед тобой виноват во многом. Каюсь, наговорил загодя, нахвастал, а теперь и на попятный... Да!.. Уж ты сложи гнев на милость, Наташечка, не меня в том вини...

— А что такое, дедушка? — спросила я, будто ничего не зная, что случилось...

— Да что, — махнул рукой дедушка, — куклы-то, о которой я тебе сказывал, — нет у меня... Да!.. Постой, дай срок выпишу другую, а эта, которую мне прислали, приказала долго жить...

Не зная, как свести разговор на то, что мучило меня, я рассеянно спросила:

— А что такое случилось, дедушка?..

— Да вот этот ротозей, Великашка, виноват... Совсем негодный человек стал. Что ни скажешь ему, куда ни пошлешь его, — все напутает, испортит... Он, извольте ли видеть, дорогой целый ящик ухитрился потерять!.. Да хоть бы вернулся, поискал бы. А то будто так оно и должно быть. Потерял и потерял. Только на то и достало смекалки, что приехать и доложить о том, что он посылку потерял. Вот дурак какой!..

Дедушка опять начинал сердиться и волноваться. Он, кажется, больше моего жалел о потерянной кукле. Несколько раз во время его слов я пыталась остановить его и сказать все, — но что-то меня удерживало...

— Теперь кончено, — сердито сказал дедушка, — вон его!.. Как праздники пройдут, — ушлю его в дальнюю деревню, пусть хоть свиной там пасет... Мне до него дела нет... А ты не горюй, говорю, — уж новую куклу выпишем. Уж я что задумал, от того не отступлюсь...

Я сделала очень печальное лицо и сказала:

— Ну, за что же вы хотите гнать Великана Иваныча?..

— Видеть его не могу!.. Вот что!.. Надоел он мне, да и дурак!..

— Дедушка, — решила я, наконец, высказать свою мысль, — уж если мне куклы нет, — сделайте мне хоть одно одолжение...

— Какое там?..

— Отпустите к нам Великана Иваныча, только не отсылайте его далеко...

— Ну, это мать твою надо спросить, захочет ли она такое сокровище в дом принять!..

— Захочет, захочет, я знаю, — обрадовалась я... Неслух он, норовистый... Ни в чем угодить не хочет... А вечер — вовсе взбунтовался... Уж виноват, так возмездие принимай безропотно... А он и этим пренебрег! Ну, еще

того хуже ему будет. Он меня узнает...

Тут уж я не выдержала.

— Дедушка, — горячо сказала я, — он не виноват, видит Бог... это... я... я сделала... Вот и Саша подтвердит!..

Дедушка недоуменно посмотрел на меня...

— Ты?.. А ты-то тут причем, егоза?..

— Я его выпустила... Он не хотел итти, упирался... А мы с Сашей его чуть не силой увели из бани!.. А Ни он, ни Марья Ильинишна здесь fie при чем...

Дедушка несколько минут молча смотрел то на меня, то на Сашу; наконец, сухо сказал:

— Яйца, выходит, курицу учат... Не по нраву это мне, внученка... Не след не в свое дело вмешиваться...

Мне стало как-то не по себе, холодно и жутко. Я как-то вся ушла в себя. Дедушка, видимо, это сразу заметил и быстро переменял тон:

— Ну, ну, ладно, не дуйся на меня. Вперед только этого не делай... А то вон я и Ильинишну свою разобидел из-за тебя!.. Да!..

— Дедушка, — обрадовалась я его перемене, — так отпустите к нам Великана Иваны-

ча? Не будете его ссылать?.. Вместо куклы-то порадайте меня хоть этим...

— Говорю, — мать спросить надо, прежде.

— Да уж я это улажу, дедушка.

— Ну, ладно, ладно!.. Мне он надоел порядком, да и неверный человек стал... Я таких не люблю...

— Так можно?.. Да?.. — взвизгнула я, бросаюсь к нему. — Можно?..

— Мать спроси, мать раньше спроси, его-за!.. — усмеялся дедушка. — А то ты больно много воли что-то над нами забрать хочешь!..

— Спасибо, дедушка. Вот вы какой хороший. А на Марью Ильинишну не сердитесь, она не виновата. И я ей сейчас об этом скажу, и вы помиритесь... Да?.. Хорошо?..

— Ах, торопыга, торопыга!.. — вздохнул дедушка с усмешкой и махнул рукой. — Что мне с тобой делать?..

XVI

Явне себя от радости бросилась сообщить о своей радости маменьке, умоляя ее не отказываться от того, чтобы Великан Иваныч переехал жить к нам.

— Да, да? Вы позволите, маменька? — спрашивала я, не переставая ее целовать.

— Ах, Господи, — отбивалась она от меня, — да пусти меня, ты меня задушишь...

— Нет, вы скажите, — сделаете это для меня?

— Да еще, может-быть, папенька раздумает.

— Не раздумает, не раздумает. Вы-то только согласие дайте...

— Да я, что ж, я рада буду. Все-таки свой человек, — нерешительно сказала маменька...

— Ну, и благодарствую...

Я повернулась и убежала. Ворвалась к Марье Ильинишне, успокоила ее; потом бросилась искать Великана Иваныча.

Он сидел на кухне, такой жалкий, робкий, встревоженный, ожидая, что его вот-вот позвуют к дедушке на расправу.

Я вызвала его в комнату Марьи Ильинишны и скороговоркой сказала ему:

— Ну, Великан Иваныч, собирайтесь в дорогу, — вы переезжаете с нами. Я просила дедушку, и он согласился отпустить вас. А вы хотите жить у нас?.. Вы будете совсем, совсем свободны, делайте, что хотите и что знаете. У нас дом большой, хороший, и вам хорошо будет...

Великан Иваныч долго не мог понять, в чем дело. А когда, наконец, понял, — то даже прослезился.

— Попросите маменьку, барышня, за меня, — сказал он, — тяжело мне жить здесь. Не любят меня — и управляющий, и дворовые за то, что близок я был к старому барину. Рады в грязь меня втоптать и с грязью смешать!.. А уж я вам заслужу, барышня милая, видит Бог, по всей моей силе-возможности!..

— Да и просить нечего, — маменька согласна, и дедушка тоже... Вот завтра вместе и уедем с вами, к нам, в Криуши. Ах, как я рада!..

XVII

Три дня праздников пролетели незаметно, в каком-то угаре. И на третий день многие стали раз'езжаться. Мы с маменькой тоже должны были уехать этим вечером. Наши вещи были уже уложены. И маменька, и няня порядком уже соскучились в гостях и только и думали о том, как — бы скорее добраться до Криушей.

Я волновалась ужасно. Дело в том, что я не знала, как мне заикнуться дедушке о Великани Иваныче, а сам он будто нарочно не поднимал об этом разговора. Я посоветовалась с маменькой. А та и говорит:

— Неловко будет, Наташа, сейчас об этом говорить. Потом, при случае, лучше. А то дедушка обидится...

— Да ведь дедушка согласился, маменька, — только сказал: если вы согласны будете!..

— Ну, да... А может, ему сейчас неудобно отпустить Великана Иваныча.

— Так, может, он и раздумал вовсе?.. — с отчаянием воскликнула я, готовая распла-

каться.

И я не задержала все-таки. Когда мы прощались с дедушкой, и он уже благословил меня и обнял, — я вдруг выпалила, к ужасу маменьки:

— Дедушка, а как же Великан Иваныч?
Дедушка засмеялся.

— Ведь ишь ты, память у тебя какая! А я думал, ты забыла?.. Ну, ну, ладно, на днях его пришлю.

— Ты не забудь, дедушка, — сказала я.

— Наташа, да полно тебе, — остановила меня маменька, — сказала, и довольно.

— Пришлю, пришлю, егоза, если он сам захочет, — успокоил меня дедушка. — Ну, идите с Богом.

Возок стоял уже у крыльца. Было темно, и свет исходил только от снега.

— Ну, садись, Наташа, скорее, — сказала маменька, входя в возок. За ней впрыгнула и я и забралась рядом с ней на задок сиденья, а за мной следом влезла няня, кряхтя и охая, и захлопнула дверцу.

— Ах, батюшки-светы!.. — воскликнула она вдруг. — Да что же это такое!.. Да кто тут та-

кой!..

И вдруг мы услышали тоненький голосок:

— Ничего-с, ничего-с... Это я... Великан Иваныч, нянюшка... Я уж давно тут сижу... Боялся, как бы без меня вы не уехали.

— Великан Иваныч!.. — взвизгнула я от радости. — Голубчик!..

Возок уже тронулся, и за скрипом его полозьев я едва слышала, как Великан Иваныч смущенно лепетал маменьке:

— Уж простите, Бога ради, матушка-барыня, что осмелился я без спросу к вам в экипаж забраться. Боязно мне было, что забудете вы обо мне. До меня ли вам!.. А там день за днем забыли бы обо мне, и не выбраться бы мне отсюда... Уж вы меня не оставьте, — а я заслужу, — по силе-возможности служить буду...

Маменька сначала, было, перепугалась, а потом стала смеяться. А няня сказала:

— И хитер же ты, Великан Иваныч, какую штуку удумал!.. А мы будто краденого тебя с собой увезли!..

Мы узнали потом, что дедушка сначала был очень недоволен хитростью Великана Иваныча и на другой же день хотел послать

за ним нарочного, чтобы привезти его обратно. Но потом раздумал и махнул рукой.

Так Великан Иваныч и остался жить у нас. Вот и вся моя история, — только разве о кукле досказать надо... Вот это та самая кукла, из-за которой Великан Иваныч впал в немилость у дедушки, и попал к нам.

Уже весной нашли мужики при дороге, в канаве большой ящик и привезли к дедушке, — а в ящике оказалось потерянная, было, заграничная куколка.

Дедушка на другой же день прислал ее мне с нарочным и велел спросить, как же быть теперь с Великаном Иванычем, который был у нас в роде заложника? Я чуть, было, в отчаяние не пришла, — мне уж и кукла была не мила. Но посланный меня успокоил:

— Барин изволили так сказать: ежели карла наш не больно вам прискучил, — так пущай у вас и живет!.. Так как изволите передать барину?..

— Передай папеньке, Федор, — сказала матушка, — что Великан Иваныч нам всем по душе пришелся, и я его от себя не отпущу!..

Я благодарно взглянула на матушку.

— Слушаю-с, — сказал Федор, — так и доложу. Счастливо оставаться!..

Так и остался у нас Великан Иваныч и до того привязался к нам, что мы его за родного считали. А когда в том же году матушка выхлопотала ему «вольную» и передала ему бумагу о том, — он упал в ноги, закрыл лицо руками и заплакал, как ребенок...

Но от нас он не ушел и жил до самой смерти, — и более преданного, верного и любящего человека, чем он, я в жизнь свою никогда А видела...